

Если говорить о превратностях судьбы и личных достижениях, то Чу Иншэнь — классический пример персонажа, чья жизнь полна боли, а сам он силен и жесток. Именно это закалило его характер, научив терпеть и мстить за каждую обиду. Таких людей лучше не задевать, а еще лучше — держаться от них подальше. Тем более что Чу Иншэнь и так невзлюбил прежнего владельца тела, так что Чу Е следовало бы соблюдать дистанцию.

В оригинальном сюжете контактов между ними было немного: первый раз в детстве, когда они оказались в холодном дворце, второй — уже после того, как Чу Иншэнь взойшел на престол. Чу Е до сих пор не мог понять, что творилось в голове у оригинала: вел себя с окружающими высокомерно, а когда увидел, что его самый неприметный третий брат стал императором, набрался наглости и начал отпускать в его адрес сальные шуточки, совершенно не дорожа собственной головой.

Чу Иншэнь всегда был злопамятен и до глубины души презирал оригинал за связь с Сюань Я. Увидев, что тот и теперь не оставляет своих безумных попыток приударить за родным братом, император, в отличие от бесхребетного покойного отца, не стал терпеть выходки и немедленно бросил его в темницу. Там, изнеженный с детства оригинал, не переставая проклинал Чу Иншэня, натерпелся всякого и, по слухам, был вынужден терпеть унижения от сокамерников.

Разве мог человек, привыкший к роскоши и плотским утехам, вынести подобный позор? Болезнь в сочетании с физическими и душевными страданиями свела его в могилу. Когда он умер, его когда-то нежное и холеное тело напоминало лишь обрывок грязной ветоши, от одного взгляда на который бросало в дрожь.

Чу Е, конечно, хотел, чтобы негодяй получил по заслугам, но сейчас в этом теле находился он сам. А главное — он не мог допустить, чтобы его заставили терпеть те же ужасы в темнице!

До восшествия Чу Иншэня на престол оставалось еще больше двух лет. В конце следующего года император заболеет, его состояние будет ухудшаться день ото дня, и в конце концов он скончается. В эти два года между принцами, и без того не ладившими друг с другом, начнется ожесточенная борьба. Чу Е, будучи праздным князем, не хотел в это ввязываться, но иногда обстоятельства оказывались сильнее — его против воли втягивали в игру. Оригиналу часто становился пешкой, даже не подозревая об этом, и незаметно для себя оказывался в стане врагов Чу Иншэня. Старые и новые обиды привели к тому, что его легко устранили как досадную помеху.

Чу Е вздохнул. Судьба — штука сложная, но больше всего его пугала перспектива оказаться в темнице. Вчера в цветочном доме он еще мог как-то выкрутиться, но в тюремных стенах у него не будет никаких средств защиты. Нет, этого допустить нельзя!

Чу Е не желал становиться козлом отпущения. Его взгляд скользнул к фигуре главного героя, стоявшего на коленях. Наступила весна, ветер еще кусался, и было непонятно, сколько времени Чу Иншэнь уже провел на земле. Если присмотреться, его плечи едва заметно дрожали. Даже если бы не было холодно, колени не могли не онеметь от такой долгой пытки. Но император молчал, и хотя евнух Юнь намекал, что стоит попросить милости, Чу Е не мог действовать опрометчиво. Раз император до сих пор не сменил гнев на милость, значит, он все

еще в ярости, и даже любимчику не стоило испытывать терпение отца.

Чу Е поднял голову: небо было ясным и безоблачным. Евнух Юнь, заметив, что тот долго стоит без движения, проследил за его взглядом:

— Прошу прощения, Ваше Высочество, не подскажете, что вы там разглядели?

В романах и сериалах, если главный герой стоит на коленях в наказание, обязательно начинается ливень. Чу Е долго всматривался в высь, но не увидел ни облачка. Странно. Он отвел взгляд и тихо спросил:

— Как давно третий брат здесь?

— Со вчерашнего полудня, почти девять часов, — прошептал евнух Юнь.

Восемнадцать часов? Почти сутки без отдыха — это посильнее, чем у ночных сов. Что же такого он натворил?

Проходя мимо Чу Иншэня, Чу Е не удержался от любопытства и на мгновение замедлил шаг, чтобы бросить взгляд вниз. Неизвестно, случайно или намеренно, но Чу Иншэнь тоже поднял голову. Их глаза встретились. Чу Е столкнулся с парой узких, хищных глаз. Даже под ясным небом в них таилась тьма, от которой веяло таким холодом, что весенний ветер казался ледяным. Но стоило Чу Е моргнуть, как холод сменился ледяным безразличием, в котором не было ни капли тепла.

Хм, какая мощная агрессия. По сравнению с этим простаком-оригиналом — две крайности.

Чу Иншэнь первым отвел взгляд. Его тонкие губы были плотно сжаты, лицо осунулось — похоже, он был на пределе. Чу Е не стал ничего говорить: раз тот не желает общаться, не стоит навязываться.

Подойдя к кабинету императора, он постучал, и изнутри донесся властный голос. Войдя, Чу Е поклонился, как того требовал этикет. Император отложил доклады и поманил его к себе:

— Подойди, дай поглядеть, поправился ты или исхудал.

От этого тона, будто с маленьким ребенком, у Чу Е вспыхнули уши. Ему уже двадцать, а с ним обращаются как с десятилетним мальчишкой.

— Отец, я съедаю все лакомства, что вы присылаете, как я могу похудеть? — Чу Е подошел ближе, позволяя себя осмотреть, и добавил: — А вот вы, отец, за эти дни, что я не заходил, заметно осунулись. Сердце болит смотреть на вас!

Император рассмеялся, и усталость от государственных дел на мгновение отступила:

— Поешь со мной.

— С удовольствием.

Евнух Юнь действовал расторопно, и вскоре служанки накрыли стол. Чу Е ел вместе с императором, время от времени подкладывая ему лучшие куски. Император принимал угощение. Впрочем, дворцовые правила строги, разговаривать во время еды не принято, поэтому трапеза прошла быстро.

После обеда император не давал никаких указаний, но, когда Чу Е потянулся за блюдом, он заметил повязку на его запястье, и лицо его мгновенно помрачнело.

— Кто тебя поранил?

Чу Е поправил рукав и ответил, набравшись смелости:

— Неудачно укусила собака. Уже перевязал, ничего серьезного, не стоит волноваться.

Император поднял взгляд, какое-то время молчал. Хотя это была мелочь, но все же ложь. Чу Е занервничал под его пристальным взглядом, раздумывая, не признаться ли, когда вдруг услышал:

— Собаку, покусавшую хозяина, нужно убить. Недавно привозили диковинных зверей, пусть Юнь Мин-да отведет тебя выбрать, возьмешь себе кого захочешь.

Чу Е понял, что император решил не допытываться, и с облегчением выдохнул:

— Благодарю, отец.

— Ты, — вздохнул император, — с детства был неисправимым озорником. Береги себя, если повторится — спрошу с твоей супруги.

Чу Е замер. Он думал, что тема закрыта, но император не унимался. Зная, что от него ничего не скрыть, он покраснел до корней волос и начал оправдываться:

— Цзи Шу не при чем, это я скрыл от нее правду. Прошу, не вините ее.

— Ты принц, чего тебе бояться? — Император вздохнул. — Ладно, поступай как знаешь.

<http://bllate.org/book/22477/2367718>